

Научная статья

УДК 341.01

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-84-94>

МОРСКАЯ ДОКТРИНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД НА СОДЕРЖАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Евгений Валентинович Годованик

Севастопольский государственный университет, 299053, Россия, г. Севастополь,
Университетская ул., д. 33

evgodovanik@mail.sevsu.ru

Аннотация

Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости проведения комплексного правового анализа положений новой редакции Морской доктрины Российской Федерации, утв. указом Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512. При этом построение полноценной юридической модели применения норм Морской доктрины требует разностороннего установления содержания ее норм с точки зрения как внутригосударственного, так и международного морского права. Ключевое значение при этом имеет определение оптимальных правовых форм обеспечения национальных интересов России в морской сфере. В результате проведенного исследования сформулирована авторская интерпретация содержания Морской доктрины, показаны ее значимость в современных условиях государственно-правового развития и перспективы реализации в правотворческой и правоприменительной деятельности органов публичной власти.

Ключевые слова: Морская доктрина; национальные интересы; военно-морские силы; торговое мореплавание; национальная безопасность Российской Федерации; Мировой океан.

Для цитирования: Годованик Е. В. Морская доктрина Российской Федерации: правовой взгляд на содержание и перспективы реализации // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 84–94. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-84-94>

Research Article

THE MARITIME DOCTRINE OF THE RUSSIAN FEDERATION: A LEGAL VIEW ON THE CONTENT AND PROSPECTS OF IMPLEMENTATION

Evgeny V. Godovanik

Sevastopol State University, 33 Universitetskaia St., Sevastopol, 299053, Russia
evgodovanik@mail.sevsu.ru

Abstract

The relevance of this study lies in the need to conduct a comprehensive legal analysis of the provisions of the new version of the Maritime Doctrine of the Russian Federation, approved by Presidential Decree of 31 July 2022 No. 512. At the same time, building a full-fledged legal model for the application of the norms of the Maritime Doctrine requires a comprehensive establishment of the content of its norms both from the point of view of the domestic and international maritime law. In this case, the determination of the optimal legal forms for ensuring Russia's national interests in the maritime sphere is of key importance. As a result of the study, the author's interpretation of the content of the Maritime Doctrine was formulated, its significance in the current conditions of state and legal development and the prospects for implementation in law-making and law enforcement activities of public authorities were shown.

Keywords: Maritime Doctrine; national interests; naval forces; merchant shipping; national security of the Russian Federation; World Ocean.

For citation: *Godovanik E. V.* The Maritime Doctrine of the Russian Federation: A Legal View on the Content and Prospects of Implementation. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 2, pp. 84–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-84-94>

Введение

Принятие новой редакции Морской доктрины Российской Федерации, утв. указом Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512 [1], вне всяких сомнений, имеет важнейшее политико-правовое, стратегическое и программное значение для определения содержания и эффективных способов обеспечения национальных интересов государства в морской сфере, причем речь идет как о гражданском (торговом) мореплавании и мирном использовании Мирового океана, так и о формулировании адекватного ответа на те угрозы и вызовы, которые перманентно возникают в сов-

ременном мире как объективно, так и в результате субъективных политических решений и действий отдельных зарубежных государств, стремящихся в одностороннем порядке без учета основополагающего принципа взаимовыгодного международного сотрудничества и законных интересов других стран установить устраивающие их правила и нормы.

Как абсолютно справедливо подчеркнул в своем выступлении, посвященном принятию исследуемого документа, на Главном военно-морском параде в г. Санкт-Петербурге 31 июля 2022 г. Президент России В. В. Путин, в новой редакции Морской доктрины «мы открыто обозначили границы и зоны национальных интересов России – и экономических, и жизненно важных стратегических. Прежде всего, это наши арктические акватории, воды Черного, Охотского и Берингова морей, балтийские и курильские проливы» [2].

Данный тезис, озвученный главой государства, нашел свое непосредственное отражение в формально-юридических положениях подзаконного нормативного правового акта стратегического, программного характера, которыми по своей регулятивной природе и структурному расположению в иерархии источников российского права начиная с 1993 г. являются доктрины, утверждаемые указами Президента.

На стратегический характер Морской доктрины обращает внимание и Ж. И. Овсепян, по методологически выверенному и доктринально обоснованному с глубоких конституционно-правовых позиций мнению которой масштабом любой доктрины является целиком какая-либо государственная функция [3]. Например, Военная доктрина создает необходимый комплекс условий и предпосылок для осуществления функции обороны государства, Доктрина развития российской науки обеспечивает государственную функцию управления научной сферой, Доктрина информационной безопасности выражает информационную функцию государства и т.д.

Соглашаясь с предложенной интерпретацией доктрины как функционального подзаконного нормативного правового акта стратегического характера, на наш взгляд, вместе с тем необходимо подчеркнуть определенное своеобразие и уникальность Морской доктрины среди всех подобных документов, поскольку ее положения направлены на реализацию даже не какой-то одной, а сразу нескольких функций современного суверенного государства, основными и направляющими из которых являются две: 1) функция мирного торгово-экономического морского сотрудничества и освоения Мирового океана со всей совокупностью его полезных живых и неживых ресурсов; 2) функция защиты национальных интересов военно-морскими силами и средствами (военно-морская функция), которая является видовым элементом родовой функции обороны государства.

1. Содержание и сущность Морской доктрины

Исходя из указанной дихотомии внутреннего содержания сущность Морской доктрины определяется балансом двух указанных государственных функций, представляющих публичный интерес для всего общества, между собой, при этом, как представляется, теоретически при разработке доктринальных положений возмож-

ны три варианта: а) преобладание торгово-экономических целей, задач и приоритетов; б) доминирование военно-морских задач и интересов; в) разумный баланс между торгово-экономическими задачами и положениями, направленными на обеспечение национальных интересов государства военно-морскими силами.

Первый вариант, на наш взгляд, вряд ли возможен в современном мире, поскольку в реально существующих сегодня условиях невозможно обеспечить национальные интересы государства исключительно на торгово-экономическом уровне и, более того, даже классическое торговое мореплавание при нынешних угрозах и вызовах требует полноценного и планомерного гарантирования безопасности судоходства эффективными международно-правовыми механизмами (одним из примеров является угроза пиратства, которую многие исследователи относят к глобальным проблемам современной универсальной повестки дня).

Второй вариант реализуется в государственной политике некоторых государств, которые принимают документ под названием «военно-морская доктрина» либо «военно-морская стратегия» (оба этих названия ввиду неизменного стратегического назначения доктрины несут приблизительно одинаковую смысловую нагрузку), акцентируя тем самым усилия законодательных и правоприменительных органов в ближайшей тактической и общей стратегической перспективе на обеспечении национальных интересов именно военно-морскими силами и средствами как, по мнению разработчиков, основным и необходимым инструментом их практической реализации.

Примером указанного документа является военно-морская стратегия США, одобренная 3 марта 2015 г. под названием «Морская мощь XXI века» [4], которая напрямую и безоговорочно связывает статус «великой морской державы» с понятием «военно-морская мощь», что говорит о готовности продвигать свои национальные интересы, включая торгово-экономические, через применение вооруженных, в частности военно-морских, сил, не считаясь с основополагающими нормами и принципами международного права, а также морскими политическими и экономическими границами других субъектов международно-правовых отношений. Кроме того, документ обязывает Конгресс «поддерживать военно-морской флот», в чем проявляется институциональный обеспечительный компонент реализации поставленных стратегических задач по достижению военно-морской мощи как основы комплексной защиты национальных интересов широкого диапазона и точек приложения усилий. Как показывает вся предыдущая история, военно-морские силы действительно широко применяются США во всех частях мира для обеспечения гегемонии и продвижения собственных военно-политических и торгово-экономических интересов, прибегая периодически, кроме всего прочего, к территориальным захватам и насильственному ограничению суверенитета других государств. В данном контексте можно вспомнить, например, осуществленную в 1898 г. при непосредственном участии американских военно-морских сил аннексию Гавайских островов, включенных впоследствии в состав США в качестве очередного штата, или ключевое значение американской авианосной группы при осуществлении вооруженной агрессии против Ирака в 2003 г. Все эти и многочисленные подобные им действия находятся в полном онтологическом и диалектическом соответствии с программным положе-

нием последней редакции военно-морской стратегии, согласно которому контроль США на морях и океанах является гарантией контроля за глобальной экономикой и торговлей. При реализации такого концептуального подхода к морскому развитию государства происходит довольно опасное для поддержания международного мира и безопасности в смысле, заложенном Уставом ООН, смешивание понятий «морская сфера» и «военно-морская мощь», поскольку мирная морская деятельность ставится в полную корреляционную зависимость от способности ее вооруженного сопровождения, основанного прежде всего на военно-техническом превосходстве флота среди других равноправных суверенных государств, имеющих свои, главным образом – торгово-экономические, национальные интересы в Мировом океане.

В новой Морской доктрине Российской Федерации, наоборот, как представляется, находит свое отражение третий, наиболее целесообразный и учитывающий интересы партнеров, теоретико-методологический подход, основанный на разумном балансе мирных форм использования Мирового океана и реализации военно-морских задач целей и задач, направленных в любом случае на защиту законных торгово-экономических и научно-исследовательских интересов общества и представляющего его в международных отношениях государства.

2. Цели российской морской политики

Формально-юридическим подтверждением данного утверждения является перечень целей российской морской политики, к которым п. 7 документа были отнесены: «а) сохранение суверенитета во внутренних морских водах, территориальном море, а также в воздушном пространстве над ними, на дне и в недрах; б) реализация юрисдикции и защита суверенных прав в исключительной экономической зоне на разведку, разработку, транспортировку и сохранение природных ресурсов, находящихся на дне, в его недрах и в покрывающих водах, управление этими ресурсами, производство энергии путем использования воды, течений и ветра, создание и использование искусственных островов, установок и сооружений, проведение морских научных исследований и сохранение морской среды; в) реализация и защита суверенных прав на континентальном шельфе Российской Федерации по разведке и разработке его ресурсов; г) реализация и защита свободы открытого моря; д) обеспечение сохранения человеческой жизни на море; е) защита территории Российской Федерации от агрессии с океанских и морских направлений, охрана государственной границы Российской Федерации на море; ж) обеспечение устойчивого экономического и социального развития страны; з) сохранение морских природных систем и рациональное использование их ресурсов» [1].

Как можно увидеть из приведенных стратегических целей, только две цели (п. «а» и «е») имеют ярко выраженный военно-морской характер, при этом остальные направлены на мирные формы использования Мирового океана и его ресурсов, но без ущерба и ущемлений для России со стороны других участников морских правоотношений, что, безусловно, является недопустимым.

Именно на защиту стремления к мирному и равноправному с другими партнерами использованию Мирового океана и его ресурсов направлена и важнейшая роль военно-морского флота, также подробно обозначенная в тексте доктрины.

Всемерная поддержка военно-морских сил и техническое, кадровое, материальное развитие их потенциала особенно важны в современных условиях проведения так называемой политики сдерживания России со стороны США и некоторых других членов НАТО, направленной на продвижение своих морских интересов в ущерб жизненно важным российским, причем целиком аргументированным и обоснованным с точки зрения действующих норм международного и внутригосударственного морского права.

В то же время в новой редакции Морской доктрины, в отличие от утратившей силу предыдущей, принятой в 2015 г. [5], значительно сокращено описание ключевых приоритетов военно-морской деятельности (вместо 11 пунктов осталась всего одна единственная отсылочная норма, которая, впрочем, скорее всего, дает основание предполагать ожидаемое принятие отдельного указа Президента РФ по вопросам военно-морской деятельности, что также было бы вполне логичным определением практического механизма реализации положений доктрины в части ее военно-морской составляющей).

3. Принципиальные изменения и новые понятия

Положительным фактором проведенный формально-юридический анализ Морской доктрины дает основание считать и конкретизацию многих понятийных категорий, без которых невозможна качественная формулировка качественных норм стратегического масштаба, причем некоторые из таких дефиниций в российском законодательстве появились впервые.

Среди таких понятий следует особо отметить следующие, представляющие значительный научно-практический интерес и совершенствующие детализацию правового регулирования морской сферы: «национальная морская политика РФ», «морская деятельность Российской Федерации», «национальные интересы РФ в Мировом океане», «риски возникновения угроз национальной безопасности РФ в сфере морской деятельности», «вызовы национальной безопасности РФ в мировом океане», «угрозы национальной безопасности РФ в Мировом океане».

Так, например, определение понятия морской деятельности Российской Федерации раскрывает формы и методы указанного вида реализации морской функции государства, и может стать модельным (типовым) для нормативного установления содержания морской деятельности любого современного суверенного государства, имеющего национальные интересы в Мировом океане. Принятое определение (п. 1 Морской доктрины) включает в себя основные признаки морской деятельности, к которым можно отнести следующие: а) пространственной средой морской деятельности является весь Мировой океан и Каспийское море как специфический водный объект с особым расположением и правовым режимом (онтологическая характеристика морской деятельности); б) функциональными формами морской деятельности являются изучение, освоение и использование Мирового океана (праксиологическая характеристика); в) целями морской деятельности является устойчивое развитие и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации (телеологическая характеристика).

Важной особенностью, демонстрирующей тесную взаимосвязь норм и принципов внутригосударственного и международного морского права, является прямая

имплементация в текст доктрины основных принципов международного морского права, к которым относится, в частности, «свобода открытого моря, включающая свободу судоходства, полетов, рыболовства, научных исследований, прокладки подводных кабелей и трубопроводов» (п. 5 «в» Морской доктрины).

К сожалению, последние события, происходящие в мире, показывают всю серьезность угроз для соблюдения и эффективного гарантирования всем субъектам международно-правовых отношений указанных основополагающих морских свобод, включая свободу прокладки и эксплуатации подводных трубопроводов. Одним из демонстративных примеров в этой связи служит диверсия, совершенная на газопроводах «Северный поток» и «Северный поток-2» в пределах исключительной экономической зоны Дании в ночь на 26 сентября 2022 г., в результате которой, кроме прямого ущерба экономическим интересам Российской Федерации и ее торговых партнеров (в гораздо большей степени, по нашей субъективной оценке, можно говорить именно об ущербе, нанесенном европейским партнерам – потребителям природного газа, но это уже, впрочем, составляет, скорее всего, предмет экономического, а не правового исследования), был нанесен существенный вред экологической системе Балтийского моря вследствие утечки газа в четырех местах [6]. Так, в научном сообществе были высказаны опасения о том, что выброс метана из лопнувших газопроводов «Северный поток» в Балтийское море может стать одной из самых серьезных утечек природного газа за всю историю и создать значительные климатические риски [7]. Таким образом, в контексте рассмотрения последствий данной диверсии можно констатировать и прямое посягательство на отраженный в Морской доктрине (п. 5 «е») универсальный международно-правовой принцип предотвращения загрязнения морской среды отходами производства, потребления и утилизации, что, в свою очередь, также должно способствовать активизации научно-практической дискуссии о создании эффективных правовых механизмов обеспечения безопасности объектов, построенных в соответствии с реализацией основных морских свобод, в зоне ответственности зарубежных государств (исключительной экономической зоне) и открытом море.

Следует подчеркнуть также существенные изменения в новой редакции Морской доктрины относительно видов государственной морской деятельности, в своем синергетическом симбиозе нацеленных на эффективное изучение, освоение и использование Мирового океана в результате формирования надлежащей нормативной правовой базы и необходимой институциональной основы реализации действующего профильного законодательства в морской сфере. К таким видам относятся целый расширенный их перечень, а именно судостроение, кадровое обеспечение, морское образование и воспитание, информационное обеспечение морской деятельности, обеспечение безопасности мореплавания, медико-санитарное обеспечение морской деятельности, обеспечение безопасности объектов морской инфраструктуры, борьба с морским пиратством и терроризмом.

4. Перспективы становления и развития морского права Азово-Черноморского бассейна

Особое значение, на наш взгляд, имеет четкое разделение и подробное формулирование стратегических морских приоритетов по региональному признаку.

При этом важнейшее значение в контексте актуальной повестки дня на сегодняшний день имеет определение правильных приоритетов развития Азово-Черноморского бассейна (далее – АЧБ), которые в результате системной и организованной работы всех уровней публичной власти, гражданского общества, научного и экспертного сообщества должны стать концептуальными основами формирования морского права АЧБ как комплексной отрасли внутригосударственного и международного морского права, способствующей эффективной реализации стратегических российских интересов в Большом Средиземноморье в целом.

Безусловную позитивную роль для создания и дальнейшего совершенствования комплексного правового регулирования морской деятельности в АЧБ, а также эффективного применения соответствующих норм с целью реализации основных приоритетов, на наш взгляд, имеет непосредственное отражение в новой редакции Морской доктрины объективно сложившихся в последнее время формально-юридических и политико-правовых фактов.

Так, например, из Морской доктрины вполне логично было изъято определение Керченского пролива как имеющего международно-правовой режим использования. В то же время представляется необходимым дополнить положения доктрины отдельным положением об изменении правового режима Азовского моря, которое перестало быть внутренним морем двух государств, а в результате принятия в состав России новых субъектов федерации, имеющих прибрежное географическое расположение, и внесения соответствующих дополнений в ст. 65 Конституции РФ [8] фактически и юридически стало внутренним морем Российской Федерации. В результате указанного изменения правовой режим Азовского моря также должен рассматриваться как внутригосударственный, а не международно-правовой, с полным распространением на всю его акваторию государственного суверенитета Российской Федерации.

В целом стратегическая концепция формируемого морского права АЧБ должна быть построена исходя из важнейшего положения, закрепленного п. 56 Морской доктрины, в соответствии с которым «на Черном и Азовском морях основой национальной морской политики являются ускоренное восстановление и всестороннее укрепление стратегических позиций Российской Федерации, поддержание мира и стабильности в регионе» [1].

Ключевыми функциональными направлениями развития АЧБ, по нашему мнению, исходя из обозначенной выше целевой (телеологической) установки должны стать: а) взаимодействие с международными организациями (многосторонний уровень) и зарубежными государствами (двусторонний уровень), направленное на снятие ограничений с морских портов Республики Крым и города федерального значения Севастополя, а также профилактика подобных недружественных действий относительно портов, расположенных в новых субъектах Российской Федерации, включая города Мариуполь и Бердянск; б) организационно-правовая и политико-правовая работа по совершенствованию существующих международно-правовых механизмов использования черноморских проливов и акватории Черного моря (исходя в том числе из попыток некоторых зарубежных государств осуществить некий пересмотр Конвенции Монтре либо использовать некоторые

недоработки либо пробелы в существующих конвенционных нормах в своих ситуативных политических целях, что совершенно недопустимо при последовательном применении международно-правовых норм, направленных на равное обеспечение безопасности региона и соблюдение законных интересов всех причерноморских государств); в) усиление военно-морского потенциала Черноморского флота РФ, который, безусловно, выступает надежным гарантом мира и стабильности в АЧБ, необходимым элементом которых выступает полноценное соблюдение суверенных прав и комплексная реализация законных интересов России в морской сфере.

В целом именно комплексное осуществление всех указанных направлений, как представляется, позволит надлежащим образом реализовать жизненно важные стратегические интересы России, и именно такой методологический подход должен быть в основе постепенно формирующегося в российской правовой доктрине морского права АЧБ.

Заключение

Подытоживая результаты проведенного исследования содержания и перспектив реализации утвержденной 31 июля 2022 г. Морской доктрины Российской Федерации можно прийти к нескольким основным выводам, выражающим правовой взгляд на сформулированные в указанном стратегическом документе положения.

Во-первых, Морская доктрина Российской Федерации по своей правовой природе является комплексным, программным подзаконным актом стратегического масштаба, который направлен на формирование системной парадигмы реализации функций государства в морской сфере, объединяющей гражданское (торгово-экономическое, научно-исследовательское, экологическое) и военно-морское направления развития. Указанный характер исследуемого документа определяет дихотомическое содержание составляющих его норм – нормы-дефиниции, определяющие ключевые понятийные категории в сфере морской деятельности государства, а также нормы-цели, устанавливающие цели, задачи, приоритеты данного вида функциональной деятельности.

Во-вторых, новая редакция Морской доктрины концептуально построена на соблюдении разумного баланса гражданских и военно-морских целей, задач, приоритетов, при этом военно-морские силы выступают необходимым обеспечительным компонентом по отношению к мирному освоению Мирового океана и рациональному хозяйствованию в нем.

В-третьих, конкретные задачи и ожидаемые результаты их практической реализации сгруппированы по региональному принципу, причем в качестве одного из стратегически важных регионов выделен Азово-Черноморский бассейн, актуальность формирования качественного и эффективного правового регулирования морской деятельности России в котором обусловлена целым рядом объективно существующих факторов, среди которых: изменение правового режима Азовского моря с международно-правового на внутригосударственный; обострение проблемных вопросов, связанных с соблюдением Конвенции Монтре и необходимостью

обеспечения справедливого, соответствующего действующим международно-правовым нормам порядка эксплуатации Черноморских проливов; актуальность поиска решения международно-правовых проблем, связанных с использованием морских портов Республики Крым и г. Севастополя; исключительное значение внедрения эффективной модели реинтеграции новых регионов в состав Российской Федерации в части использования морских портов и осуществления других форм морской деятельности; стратегическая значимость Черноморского флота РФ как гаранта мира, безопасности и государственного суверенитета России в пределах ее морских границ. Все перечисленные обстоятельства объективируют и актуализируют необходимость формирования морского права Азово-Черноморского бассейна в качестве самостоятельной, имеющей свой обособленный предмет отрасли российского морского права, комплексно и неразрывно включающей в себя нормы как внутригосударственного, так и международного морского права. При этом формирование такой отрасли целиком соответствуют обозначенному выше региональному подходу к стратегическому планированию в морской сфере, непосредственно отраженному в положениях Морской доктрины.

Пристатейный библиографический список

1. Морская доктрина Российской Федерации (утв. указом Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Путин : в новой Морской доктрине открыто обозначены границы и зоны национальных интересов России // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/politika/15353617> (дата обращения: 26.12.2022).
3. Девять отличий Морской доктрины России 2022 года от предыдущей версии назвала эксперт Южного федерального университета // Южный федеральный университет : сайт. URL: <https://sfedu.ru/press-center/news/69404> (дата обращения: 26.12.2022).
4. Стратегия Военно-морских сил США «Морская мощь XXI века» от 13 марта 2015 г. // Pentagonus : сайт. URL: http://pentagonus.ru/publ/strategija_vms_ssha_xxi_veka_perevod/26-1-0-2125 (дата обращения: 26.12.2022).
5. Морская доктрина Российской Федерации (утв. указом Президента РФ от 17 июня 2015 г. № Пр-1210) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Диверсия на «Северных потоках» // Википедия : сайт. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 26.12.2022).
7. Nord Stream gas leaks may be biggest ever, with warning of large climate risk // The Guardian : сайт. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2022/sep/28/nord-stream-methane-gas-leaks-may-be-biggest-ever-with-warning-large-climate-risk> (дата обращения: 26.12.2022).
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Maritime Doctrine of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation of 31 July 2022 No. 512) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
2. Putin: The New Maritime Doctrine Openly Outlines the Boundaries and Zones of Russia's National Interests. URL: <https://tass.ru/politika/15353617> (date of the application: 26.12.2022). (In Russ.)
3. Nine differences between the Russian Maritime Doctrine of 2022 and the previous version were named by an expert from the Southern Federal University. URL: <https://sfedu.ru/press-center/news/69404> (date of the application: 26.12.2022). (In Russ.)
4. The Strategy of the US Navy "Sea Power of the 21st Century" of 13 March 2015. URL: http://pentagonus.ru/publ/strategija_vms_ssha_xxi_veka_perevod/26-1-0-2125 (date of the application: 26.12.2022). (In Russ.)
5. Maritime Doctrine of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation of 17 June 2015 No. Pr-1210) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
6. Sabotage at Nord Stream. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (date of the application: 26.12.2022). (In Russ.)
7. Nord Stream gas leaks may be biggest ever, with warning of large climate risk. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2022/sep/28/nord-stream-methane-gas-leaks-may-be-biggest-ever-with-warning-large-climate-risk> (date of the application: 26.12.2022).
8. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Е. В. Годованик – доктор юридических наук, доцент.

Information about the author:

E. V. Godovanik – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.12.2022; одобрена после рецензирования 27.12.2022; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 26.12.2022; approved after reviewing 27.12.2022; accepted for publication 01.03.2023.